

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

А.А. Кротов

Метод поиска и анализа оппозиций как основа историко-философской систематизации (о концепции Шарля Ренувье)

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой. МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4; e-mail: krotov@philos.msu.ru

В статье анализируются особенности осмысления историко-философского процесса ведущим представителем французского неокантианства. Бинарная схема, обстоятельно обоснованная Ренувье в «Эскизе систематической классификации философских учений», явилась определенным итогом его предшествующего творческого пути. В «Учебнике философии Нового времени» он, выделяя дилемму пантеизм – идеализм, выражает свои симпатии эклектизму. В «Учебнике древней философии» он выступает за придание философии научного характера, соединяя законы разума и истории. В «Опытах общей критики» он выстраивает систему неокритицизма, отождествляя феномены с реальностью. Наконец, в «Эскизе» представлена попытка беспредпосылочного рассмотрения истории философии. Ренувье выделяет шесть оппозиций, проходящих сквозь всю историю мысли (вещь–сознание, бесконечное–конечное, эволюция–творение, необходимость–свобода, счастье–долг, очевидность–верование). Сильная сторона его метода состоит в стремлении осуществить выбор между противостоящими тенденциями, принимая во внимание интеллектуальные мотивы, страсти, практические побуждения разной степени общности. Но в его подходе присутствуют как элементы редукционизма, так и не выглядящее убедительным отрицание влияния всякого рода систем на его собственные построения.

Ключевые слова: Ренувье, французская философия, неокритицизм, историко-философский процесс, философия Нового времени

Среди множества разнородных попыток сформировать непредвзятое, беспредпосылочное, объективно-научное представление об истории философии особое место принадлежит подходу Шарля Ренувье. В творческом развитии французского мыслителя уже давно исследователи по праву выделяют несколько основных этапов. От юношеского увлечения сен-симонизмом он переходит к своеобразной версии неокантианства, в поздних же его работах усиливаются религиозные мотивы. Ренувье не ставил своей главной жизненной целью написание детальной, максимально полной истории философии, которая непременно охватывала бы все важнейшие имена, школы, произведения. Но собственная теоретическая схема ее осмысления была им предложена.

С точки зрения сегодняшнего дня, она интересна и общим принципом систематизации многообразных учений прошлого, и имплицитно присущими ей представлениями о природе историко-философского процесса, и аргументацией, призванной продемонстрировать сравнительную ценность ведущих философских направлений. Рассмотрение историко-философских идей Шарля Ренувье позволяет расширить привычную картину развития основных течений мысли XIX столетия, конкретизировать малоизученные аспекты философской рефлексии Нового времени о сущности выдающихся, прославленных в различные эпохи, систем.

Как и иные, альтернативные его точке зрения позиции, его концепция была рождена в атмосфере мировоззренческих столкновений, в которой прежние метафизические решения слишком многим участникам споров казались устаревшими, требующими пересмотра и даже полной замены.

В «Учебнике философии Нового времени» (1842) Ренувье выдвигает на первый план фигуру Декарта. Именно ему принадлежала честь выступить великим реформатором философии. Он же заложил основы новой науки. В работе Ренувье философия предстает как высшая область знаний, подлинная «наука наук». Свою эпоху он именуется «глубоко эклектическим веком», причем оценка эта не содержит негативных коннотаций. «Действительно, эклектизм не завершил свою работу: он ее начинает» [Renouvier, 1842, p. 412]. Эклектизм – своего рода средоточие современной философии, пункт, к которому привела предшествующая ее история. Это не вид синкретизма, не беспорядочное смешение. Если, следуя некогда популярной установке, считать истинным содержанием философии критическую часть каждой системы, то придется отрицать всякий принцип, всякий метод, способный их объединить. Напротив, наиболее ценной следовало бы признать положительную часть великих учений. Но тогда надо осуществлять выбор в их содержании, который с необходимостью предполагает «принцип, и критерий, и метод». Ошибочно воспринимать философские системы как изначально враждебные друг другу, правильнее вести речь о противоречиях, присутствующих в самом разуме. Выделяя в новоевропейской истории противостояние пантеизма и идеализма, Ренувье утверждал возможность примирения абсолютного и относительного, двух аспектов истины.

В «Учебнике древней философии» (1844) он подчеркивал, что историю он рассматривал сквозь призму теоретических соображений и наоборот. Поэтому его труд – нечто отличное от привычного, распространенного изложения истории философии. На его взгляд, «наука о науке» пока еще не получила необходимого ей единства. «Всякий серьезный и подлинно философский ум должен признать сегодня, что философия не существует, но что существуют или существовали только философы» [Renouvier, 1844, t. 1, p. VIII]. Чтобы философия превратилась, наконец, в подлинную науку, нужно искать решение на стыке философского мышления и его истории, соединяя законы нашего разума с законами развития человечества. При этом Ренувье высказывал критическое отношение к профессиональным философам, остановившимся в развитии, склонным вещать, читать лекции, но не стремящимся к поиску нового. Он заявлял, что Кантом многое сделано для прояснения истинного философского метода.

В «Опытах общей критики» (т. 1–4, 1854–1864) он представил целостную систему, в основе которой лежит стремление развить идеи Канта. Согласно Ренувье, именно благодаря немецкому мыслителю можно считать установленными общие истины «относительно природы познания». Вместе с тем он утверждал, что Кант ошибочно принял за самоочевидные распространенные в его время принципы логики и психологии. Немецкий идеалист также был подвержен влиянию онтологических привычек. В результате Кант так и не сделал важнейшего вывода из своих трудов, который должен лежать в основании подлинного критицизма: всякое существование для сознания сводится к феноменам, именно феномены и законы

постоянного их соединения составляют саму реальность. Размышляя о пределах познания, Ренувье заявлял о невозможности научного построения универсального синтеза, включающего онтологические спекуляции. Такого рода синтез, по его мнению, противоречив и «не поддается определению». Независимо от того, пытаются ли отождествить подобный синтез с миром или с Богом, разум вынужден признать результат «бессмысленным набором слов». В то же время, избавившись от «метафизических идолов», философия, исходя из анализа психологических фактов, сопоставления человеческих действий с категориями познания, должна признать наличие свободной воли. Опираясь на моральную веру и принцип вероятности, отвечающий закону конечной цели, философия также должна принять тезис о реальности верховного порядка, соединяющего все типы феноменов. Таким путем оказывается удовлетворена человеческая потребность в вере, но без противоречия принципам разума.

В «Эскизе систематической классификации философских учений» (1885–1886) Ренувье выступает против гегелевского понимания историко-философского процесса. По его мысли, философию неправильно истолковывать как некое «органическое целое», подчиненное воплощающим необходимость неизменным законам. Для Гегеля различные системы – только этапы раскрытия единой истины. Согласно Ренувье, подобного рода установка – «софизм», всякий непредвзятый читатель философских текстов легко придет к противоположному пониманию. Учение Гегеля вовсе не возвышается над остальными, не имеет особых теоретических преимуществ, которые позволяли бы ему примирить острые противоречия, разделяющие философов. Строго говоря, чтобы Гегель оказался прав, нужно было бы принять одно из двух предположений: а) истина может соединять утверждение и отрицание относительно одного и того же, б) в истории нет никаких противоречий между философами. По мнению Ренувье, несомненно, что второе предположение не согласуется с известными из истории фактами, в то время как первое отбрасывает логический принцип непротиворечия, основу любой науки.

Следовательно, если приходится отказаться от понимания многообразных доктрин прошлого как частей единого целого, остается остановиться на альтернативной позиции, выдвигающей на первый план при построении историко-философской классификации реальные, несводимые друг к другу оппозиции. В этом случае метод исследования в качестве своего исходного пункта предполагает поиск «древнейшей и важнейшей из всех этих оппозиций». Она должна послужить начальным моментом, «первым принципом» разграничения последующих оппозиций.

Бесспорным преимуществом своего метода Ренувье провозглашает его независимость от любой существующей философской системы. Чтобы достичь успеха в его применении, нет необходимости занимать ту или иную мировоззренческую позицию, выдвигать «универсальное объяснение» бытия. Абстрагироваться от подобных вопросов достаточно легко, поскольку основная задача, решаемая с помощью упомянутого метода, сводится к выявлению расходящихся путей философской мысли. При этом нет никакой необходимости обращаться к узкоспециальным историко-философским вопросам, обсуждать нюансы датировки трудов, разбирать дискуссионные моменты биографий, устанавливать преемственность между школами и направлениями. Речь идет о том, чтобы четко очертить группы понятий, объединяя их «по контрасту».

Старейшая среди всех философских оппозиций, по Ренувье, сохранила всю свою остроту и для мышления Нового времени. Это противоположность вещи и идеи, бытия и мышления. Соответственно, уже в древности учения разделяются на материалистические и идеалистические. Таков «первый философский дуализм», проследить который возможно со времен досократиков. Этот момент важен, ибо греческая мысль послужила основой современного философствования. Рассуждения досократиков демонстрируют неповторимый «максимум спонтанности спекулятивной мысли», они

непосредственны, но при этом оригинальны. Античный материализм отправляется от чувственного восприятия и стремится сформулировать свое видение мира с «наивным абсолютизмом», делая акцент на объективной стороне сущего. Идеализм с аналогичной наивностью концентрируется на субъективном, на форме, абстрактном принципе, оставляя в стороне вещественные субстанции и феномены. Все многообразие разнородных философских подходов древности, так или иначе, по Ренувье, вполне вписывается в рамки очерченного им дуализма.

Так, античный материализм имеет три основные формы, оказавшие существенное влияние на последующий ход культурной истории. Первая из них возникает в Милете. Она представлена Фалесом и его продолжателями, на высший же уровень возведена Гераклитом. Ее ведущая установка заключается в том, чтобы выделять тот или иной физический элемент в качестве основы мира. Ее принципы – «субстанциализм и трансформизм». Детали учений приверженцев такого подхода во многом определялись как их воображением, так и достигнутым уровнем научного знания. Ренувье настаивал на том, что с точки зрения историко-философского обобщения не существует «никакой метафизической разницы» между гераклитовской концепцией вечного огня и относящейся к Новому времени доктриной Людвига Бюхнера. При этом древний материализм не противопоставлял себя религии, ибо сами боги в те времена рассматривались как рожденные существа, вынужденные подчиняться неумолимой необходимости. Вторая форма античного материализма – атомизм. Наконец, его третья форма – особого рода плюрализм, находящий яркое выражение, к примеру, в концепции гомеомерий Анаксагора. К этому же, третьему видоизменению материализма Ренувье относит и Анаксимена. Атомизм и учение Анаксагора, в отличие от первой формы материализма, исходят в своем объяснении мира не из идеи единого природного первоначала, но из представлений об изначальной фундаментальности множественности. Атомизм выдвигает, по мнению Ренувье, «гениальную идею», объяснение качества количеством. Анаксагоров плюрализм отправляется от представлений о первичности качеств и свойств, отказываясь допускать возможность их возникновение из общей стихии.

Идеализм, согласно Ренувье, принимает за принцип объяснения мира характеристики, связанные с феноменами сознания. Пифагор, в противоположность материалистам, искал «интеллектуальную сторону вещей». Числовые соотношения открывали ему дорогу к учению о разумности космоса. В этом учении присутствовало злоупотребление символами, ощущался недостаток опоры на опытное знание. Система Платона, по Ренувье, представляет собой обобщение пифагорейского учения. Аристотель, полагал он, применял идеалистический метод в своей «системе абстрактных понятий».

С точки зрения Ренувье, субстанциализм как материалистический, так и идеалистический, не может иметь научного подтверждения. «Наука выходит за свои пределы, я хочу сказать, отказывается от свойственного ей метода и утрачивает свой авторитет, когда она желает перейти от установления положительных фактов и законов феноменов к спекуляции об их сущностях, причинах и первоисточках» [Renouvier, 1885, t. I, p. 9].

Вторую философскую оппозицию Ренувье характеризует в терминах бесконечного и конечного. Понятия эти выступают важными элементами различных учений. Некоторый образ бесконечного содержался уже в мифологическом представлении о хаосе. Он рассматривался в качестве неопределенной и беспорядочной материи, исходного состояния мира. Представление о нем рождено воображением и чем-то вроде инстинктивного абстрагирования. Мифологическое бесконечное предполагалось изначальным, несотворенным, неопределенным и безграничным. Согласно Ренувье, концепции ионийских философов не слишком далеко ушли от подобных представлений. Такова, например, вода в учении Фалеса, эта «не имеющая происхождения

субстанция», способная принимать форму самых разнообразных вещей. Таково же первоначало бытия в философии Анаксимандра. При этом, конечно же, уже ранняя философия греков демонстрирует определенные устремления научного свойства. Ренувье связывал значительный прогресс в постановке проблемы конечного и бесконечного с учением Пифагора. Именно этот выдающийся философ и математик пришел к выводу, что беспредельное ускользает от разумного познания. Тем не менее его великое открытие не поколебало представлений материалистов о субстанции, в онтологическом смысле предваряющей бытие наблюдаемых исчислимых вещей. Идея материальной субстанции, генетически связанная с мифологическими построениями, продолжала жить и в различных формах дуализма. Механицизм Демокрита способствовал отделению идеи бесконечного от представлений о неопределенности. Элеаты, в свою очередь, отрицали реальность всего делимого. Далее последовали попытки «примирить чистое единство бытия с его множественностью, его неизменность с изменением, конечное с бесконечным» [Renouvier, 1885, t. I, p. 42]. Идеи в учении Платона и формы в концепции Аристотеля выступают как «принципы детерминации материи и ограничения бесконечного». Впоследствии свойства бесконечного в пространстве и времени стали приписывать Богу как высшей реальности, а конечного – материи. В философии Нового времени «отождествление бесконечности и совершенства становится чем-то вроде общего места идеалистических школ» [Ibid., p. 73]. Эмпирические же школы, напротив, поставили под вопрос законность идей своих оппонентов относительно бесконечного и субстанциального. Согласно Ренувье, новоевропейский эмпиризм, по сравнению с античным, был «более аналитическим и психологическим». Кант принял антиномию конечного и бесконечного за мнимую оппозицию, исчезающую при переходе к ноуменальному. Между тем разуму надлежало выбрать одну из сторон классической альтернативы. Таким образом, кантовская позиция в этом важнейшем вопросе представляла собой «возврат к инфинитизму и доктрине единства противоположностей».

Современная же наука, по мнению автора «Эскиза», напротив, побуждает принять сторону теории конечного, финитизм. Его важнейший довод состоит в следующем: «...почти все математики, и все наиболее выдающиеся среди тех, кто создал и развивал так называемый метод бесконечно малых, должны были отказаться от предположения реальности бесконечного» [Ibid., p. 100].

Третью оппозицию формирует следующая пара понятий: эволюция и творение. Ренувье подчеркивал, что в истоках философских размышлений вполне естественно обнаруживается принцип эволюции, в то время как идея творения из ничего гораздо более позднего происхождения. Идея эволюции соединяется с концепцией первоначала, физического качества, стихии, лежащей в основе всех вещей. Предполагалось, что основа эта, сохраняя свою сущность, порождает все многообразие бытия. У истоков человеческого философствования еще нельзя найти идею абсолютного начала, понимаемого в христианском духе; напротив, она пронизана антропоморфическими представлениями, свойственными языческой мифологии. Идея творения предполагает выход за пределы привычных наблюдений, пересмотр ставшего обыденным причинного объяснения как простой последовательности. Ранняя греческая философия в лице большинства своих представителей не вступала в конфронтацию с религией. Затем философия все более отдаляется от религии, начинает претендовать на то, чтобы полностью занять ее место. Оппозиция эволюция–творение оказывается в центре антагонизма философии и религии, она же характеризует и различия, возникающие между влиятельными метафизическими учениями. Сам по себе упомянутый антагонизм не вытекал с неизбежностью из существа проблемы, он был обусловлен по большей части «безрассудностью» теологов и философов, выстраивавших различные умозрительные конструкции. Согласно Ренувье, следует признать, что наука и религия вполне могут обходиться без столкновений, жарких споров друг с другом.

Необходимость и свобода составляют четвертую пару теоретических понятий, формирующих очередную философскую оппозицию. Прежде чем сделаться важной частью дискуссий в среде философов, оппозиция эта, полагал Ренувье, была представлена в религии. Противоречие естественным образом вытекало из теоретических соображений о господстве в мироздании всеобъемлющего закона и практической убежденности в наличии у человека способности оказывать некоторое влияние на ход событий. Представления об абсолютной необходимости и моральной свободе проистекают, таким образом, из различных источников, и философами были предприняты немалые усилия для того, чтобы попытаться разрешить дискуссионный вопрос, выстроив последовательную систему. Представление об универсальной необходимости пронизывало мышление ионийской школы. В другой форме та же концепция присутствовала у Анаксагора, Демокрита. Во времена софистов и Сократа дух обращается к самому себе, расцветает психологический анализ. В подобной ситуации легко объяснимо появление концепции психологического детерминизма, делающей акцент на неизменной взаимосвязи причин и следствий в мышлении. У Ренувье нет сомнений в родстве этой концепции с целым рядом последующих выдающихся учений. Так, сократическая установка, приравнивающая знание к добродетели, в своих исходных предпосылках ничем не отличается от детерминизма Нового времени, представленного Декартом и Спинозой, для которого свобода редуцируется к необходимости. Ясно выраженную идею свободы воли Ренувье усматривает у Еврипида и Аристотеля. На иных основаниях были выстроены учения Пиррона и Эпикура, которые также способствовали распространению представлений о свободе воли. Длительная борьба в истории, происходившая между защитниками систем необходимости и свободы, не привела к победе одной из двух линий, не переубедила и не опровергла ни одну из спорящих сторон.

Пятая оппозиция представлена парой счастье–долг. «Потребность в счастье имеет в человеческой природе более глубокие корни, чем идея долга, потому что она смешивается, по правде говоря, с самой этой природой, так же как с природой любого чувствующего существа» [Renouvier, 1885, t. I, p. 296]. Но человеку приходится выбирать между теми желательными для него целями, которые оказываются несовместимыми. С выбором соединяется идея долга. Со временем она освобождается от прямой связи с преследуемыми желаниями, становится все более глубокой. Хотя метафизические системы всегда тесно связаны с этическими установками, можно анализировать моральные компоненты выдающихся учений исключительно сквозь призму составляющих их основу принципов. Поэтому пятая оппозиция закономерно занимает свое место в ряду других.

Наконец, шестая оппозиция фиксируется понятиями очевидности и верования. Очевидность исключает любые сомнения, верование их допускает. В подобном контексте Ренувье анализирует представления о существовании внешнего мира, принцип тождества, всеобщие и необходимые суждения и др.

Ренувье решительно утверждал, что результатом предпринятого им анализа многообразных учений является вывод о том, что в их основе лежит небольшое число теоретических подходов. Двадцать четыре века философских дискуссий, по его мнению, в действительности велись вокруг крайне ограниченного набора решений. С этой точки зрения Ренувье выделяет две главные тенденции в истории философии. Первая из них, опираясь на принцип очевидности, полагает в основе бытия вещь, бесконечность, эволюционирующую по закону необходимости. Счастье рассматривается в качестве следствия общего, неизбежного порядка вещей. Вторая философская линия исходит из верования, допускающего наличие Сознания, позволяющего постигать мироздание. Природа вещей считается неотделимой от законов разума, взамен принципа необходимости выдвигается идея свободных творческих актов. Для этой второй тенденции в философии характерна апелляция к принципу

конечности данных в опыте существований, признание взаимосвязи стремления к счастью с моральным долгом. Конвергенция двух путей в философии невозможна, между ними надлежит сделать осмысленный, оправданный выбор. Решение, связанное с общей оценкой бинарного разграничения в истории философии, не может иметь аналогию, например, с химическим опытом. Ибо для нас речь идет об отрицании либо принятии идеи морального порядка, непосредственно затрагивающей различные стороны нашего бытия. Выбор невозможно основать и на сугубо логических процедурах, которые приводили бы к гипотетической очевидности. Ведь очевидность – только часть дилеммы, требующей своего решения.

Ренувье стремится представить комплексное, многостороннее решение вековых споров. Он ищет нестандартный, не применявшийся прежде подход. Отсюда – тезис о том, что при обсуждении вопроса о сравнительной ценности двух философских тенденций необходимо принять во внимание три рода интересов, или мотивов, свойственных человеку. Во-первых – интересы разума, или мотивы интеллектуального порядка. Во-вторых, надлежит учесть «интересы сердца», сопряженные с индивидуальными страстями. В-третьих, интересы более общего порядка, касающиеся естественного стремления к счастью в связи с возможным существованием иного мира.

Интеллектуальные мотивы склоняют к принятию доктрины свободы и сознания; концепция вещи и необходимости порождает различные представления об очевидности, логично приводящие к скептицизму. Концепция свободы выглядит предпочтительнее, поскольку утверждает способность человека к отысканию истины, неотделимую от возможных заблуждений и, следовательно, от ответственности.

Практические мотивы, «интересы сердца» подсказывают то же направление выбора. Они находят свое воплощение в идее морального мира, принимаемого доктриной сознания и свободы.

Наконец, гипотеза загробного существования *не выводит философа за пределы «простой возможности»*, но отвечает распространенному желанию людей достичь наивысшего счастья. Возможность такого рода вполне способна повлиять на выбор философского учения, и она, разумеется, вполне коррелирует с концепцией сознания.

Выдвинутый Ренувье в «Эскизе систематической классификации философских учений» подход получил дальнейшую разработку в «Дилеммах чистой метафизики» (1901) и «Истории и решении метафизических проблем» (1901).

В «Критике учения Канта» (1906) он говорил о богатстве идей кёнигсбергского философа, но сформулировал и замечания в его адрес. Кант, согласно Ренувье, не был вполне последователен в проведении своей главной идеи критики разума. Также «кантовский идеализм, рассматривая феномены как чистые видимости, исключает существование реального внешнего мира» [Renouvier, 1906, p. 5–6]. Трансцендентальный идеализм Ренувье рассматривал в качестве кантовской догмы, прямо не вытекавшей из критики разума, предпринятой немецким мыслителем. Не считал убедительной Ренувье кантовскую таблицу категорий и т.д.

Учение выдающегося представителя французского неокантианства встретило как одобрение, так и подверглось в ряде случаев вполне обоснованной критике. Поль Жане, последовательный приверженец спиритуализма, хотя и отдавал должное «некоторой оригинальности» теоретика неокритицизма, но в то же время не обходился без язвительной критики: Ренувье в своем синтетическом учении «явил ум независимый и суровый, вскормленный изучением наук и вносящий в философию потребность в абстрактной строгости, которая не есть философский дух в его полноте, но один из его элементов. Его мысль, лишенная гибкости и тонкости, обладает силой и тяжеловесностью» [Janet, 1879, p. 188].

Габриэль Сеай следующим образом обрисовывал ведущую установку философского мышления создателя системы неокритицизма: «Философия Ренувье есть

философия свободы... Он решительно жертвует всем, что, по его мнению, вводит в мир необходимость: бесконечностью, абсолютным, субстанцией, вплоть до принципа достаточного основания» [Séailles, 1905, p. 1-2].

С точки зрения А.И. Введенского, Ренувье «представляет величину настолько крупную, что в современной французской философии немногие могут быть поставлены с ним рядом (если только вообще кто-либо может быть поставлен)». Основную теоретическую установку ведущего представителя французского неокритицизма исследователь резюмирует краткой формулой: «феноменизм Юма, восполненный и исправленный априоризмом и морализмом Канта» [Введенский, 2016, с. 251–252]. И.И. Лапшин обращал внимание на то обстоятельство, что именно Ренувье должен считаться первым выдающимся неокантианцем в истории философии, поскольку приступил к публикации своих многотомных «Опытов общей критики» задолго до сенсационного выступления Отто Либмана. «Ренувье пытается показать, что история философии есть непрестанное заострение некоторых принципиальных антиномий... и что все эти антиномии разрешаются в его системе, отводящей место свободному верованию и моральной вероятности рядом с логической очевидностью» [Лапшин, 1914, с. 109].

Согласно Гастону Мило, Ренувье «нераздельно соединил философское умозрение с культом науки, без отдыха преследуя истину, которая могла стать истиной для всех, независимо от конфессиональных таинств и догм». В этом отношении Мило сближал Ренувье с Контом, но также настаивал на различиях: «Ренувье продолжает Канта, он продолжает традицию, которая восходит по меньшей мере к Платону и вновь обретает весь свой размах у великих картезианцев XVII века. Он приходит после них и подносит нам свой *Неокритицизм* как предел, к которому должны были привести их усилия» [Milhaud, 1927, p. 7, 9]. Октав Амлен (Гамелен) объяснял способность Ренувье к широким мировоззренческим построениям основательностью его философской культуры: в отличие от многих современников, он имел глубокие представления и о научных идеях своей эпохи, и о предшествующей традиции, различных школах и направлениях мировой мысли [Hamelin, 1927, p. 416].

Г.В. Флоровский считал Ренувье одним из наиболее крупных мыслителей XIX столетия. Он признавал самым важным трудом Ренувье именно «Эскиз систематической классификации философских учений». Флоровский справедливо подчеркивал, что французский мыслитель не стремился выстроить системы «вокруг единого центра», но принимал за точку отсчета в истории философии противоположные полюса. «История для него не есть развитие, но область творчества, свободного и непредопределенного, в котором созидается прежде не бывшее, а не только разворачиваются зародышевые возможности и задатки. С этой точки зрения он рассматривает и историю философии. Для него это область личных прозрений и откровений. И он наблюдает в истории мысли борьбу и столкновение полярных устремлений». В этой борьбе, согласно Флоровскому, неокритицист был на стороне принципа свободы против обезличивающего монизма, претендующего на универсальность ложного пантеизма. Ренувье вовремя разглядел один из философских тупиков – гегелевский идеализм – и уклонился от него, но в итоге оказался в другом, обратившись к теизму в форме финитизма. Этот теизм слишком абстрактен, далек от живого христианского опыта, забывает в своем синтетическом стремлении о Богочеловеке. «Нехристианский теизм Ренувье, это – побледневшее и обедненное отражение христианской метафизики, из которой утрачена живая душа и внутренняя правда. И вместе с тем эта система свидетельствует о глубоком религиозном движении души, стремящейся к вечной правде, неясные и смутные очертания которой она с любовью опознает... В этом была его роковая судьба. Он и сам не нашел себя, не понял до конца своего собственного дела» [Флоровский, 1928, с. 113, 116].

Согласно Эмилю Брейе, Ренувье в своем осмыслении теоретического и практического аспектов мышления пришел к разделению всех систем на два класса: «...с одной стороны, философия, утверждающая бесконечное, необходимость, субстанцию, вещь в себе, исторический фатализм, пантеизм; с другой стороны, философия, которая утверждает конечное, свободу, феномен, теизм. Между этими двумя доктринами никакое примирение невозможно; они являются двумя ответвлениями дилеммы, между которыми надлежит выбирать» [Bréhier, 2004, p. 1581]. Роже Верно настаивал на том, что Ренувье, намереваясь продолжить дело Канта, следуя духу его учения, но не системе, не избежал иных пересекающихся линий влияния. С точки зрения исследователя, наиболее важны в этом плане Конт, Гегель и Лекье. С первым из них Ренувье роднит феноменализм, со вторым – рационалистический идеал, с третьим – особая форма фидеизма [Verneaux, 1957, p. 211]. Рене Верденаль замечает: «Ренувье вводит пари свободы и стремится устранить спекулятивные антиномии кантианства: вот почему Ренувье энергично борется против верований, детерминизмов, дедуктивных систем, теологий, в которых индивид поглощается механизмом» [Verdenal, 1999, p. 63].

Как отмечает И.И. Блауберг, для Ренувье «к дилемме свободы и детерминизма сводятся в конечном счете все антиномии прежней метафизики, разрешить которые можно исходя из принципа свободы, логически задающего определенную систему представлений о мире» [Блауберг, 2016, с. 367]. В.П. Визгин видит в творчестве Ренувье воплощение той же философской тенденции, которая еще раньше была представлена Гегелем. «В древнем споре язычества и христианства Гегель уверенно встал на сторону языческой Греции, что оставило глубокий след на всей последующей философской традиции не только Германии, но и Европы в целом. В качестве примера можно назвать французского неокритициста и теиста Шарля Ренувье» [Визгин, 2021, с. 190].

Жан-Луи Дюма в импрессионистском стиле констатирует: «В философии его беспокоят две проблемы: проблема бесконечного, проблема свободы воли. Когда ему удастся их соединить, возникает его система, “неокритицизм”» [Dumas, 2001, p. 1321]. Для Ренувье существуют «эмпирические законы истории, скромные индукции, подлежащие пересмотру, но не эти мнимые априорные законы, являющиеся всего лишь выражением детерминистских доктрин» [Dumas, 1992, p. 2048].

Подводя итоги, заметим, что вполне последовательно провести концепцию беспредпосылочности философского знания Ренувье не удастся. Заявляя о независимости собственного историко-философского анализа от какой-либо системы, он фактически опирается в своих решениях на установки неокритицизма, предполагающие отстаивание линии феноменализма, убеждение в невозможности научного построения метафизики классического типа. Присутствуют в учении Ренувье и элементы редукционизма – для него более двадцати веков философского развития говорят, по сути, о немногих неизменных проблемах. Вместе с тем очевидным достоинством его системы выглядит стремление обосновать решение многовековых мировоззренческих споров, используя комплексный подход, учитывающий как интеллектуальные мотивы, так и затрагивающие сферу человеческих страстей. Немалую ценность его анализу придает и попытка выявить структурное единство главных теоретических подходов в истории философии. Подобно Ренувье, подавляющее большинство обращавшихся к истории философии исследователей было убеждено, что предмет их рассмотрения включает в себе нечто большее, чем курьезы, предназначенные для развлечения любознательного ума, содержит важные исходные данные, исключительно полезные, даже необходимые для дальнейших теоретических обобщений. Конечно, оппозиции, выделяемые французским мыслителем в интеллектуальной истории, для современной философии по-настоящему важны и интерес к ним в высшей степени закономерен. Не может не импонировать современному сознанию

и свойственное Ренувье убеждение в исключительной ценности принципа свободы, желание отстаивать его всеми силами.

Для мировосприятия Ренувье характерно смещение центра тяжести в области философии с онтологических вопросов на гносеологические и практические. Критика в адрес Гегеля сближает французского неокантианца с большим числом оппонентов абсолютного идеализма. Выступление Ренувье против концепции историко-философской необходимости затрагивает слабые стороны некоторых прославленных ее версий, но при этом само не избавлено от философских крайностей. Его уверенность в том, что противоречия в философской сфере нельзя устранить с помощью одной лишь формальной логики и расширяющегося опыта, несомненно, поддержали бы отнюдь не все современные философы. Наконец, историко-философский процесс во всем его многообразии можно свести к дуализму противостоящих направлений только при условии принятия определенных мировоззренческих допущений.

Список литературы

- Блауберг, 2016 – *Блауберг И.И.* Ренувье // *Философы Франции. Словарь.* М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 366–368.
- Введенский, 2016 – *Введенский А.И.* Современное состояние философии в Германии и Франции. Ч. 2: Философия в современной Франции. М.: Ленанд, 2016. 344 с.
- Визгин, 2021 – *Визгин В.П.* Между философией и литературой. Работы разных лет. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 448 с.
- Лапшин, 1914 – *Лапшин И.И.* Неокритицизм Шарля Ренувье // *Новые идеи в философии.* 1914. № 13. С. 66–113.
- Флоровский, 1928 – *Флоровский Г.В.* Шарль Ренувье // *Путь.* 1928. № 14. С. 111–116.
- Dumas, 1992 – *Dumas J.-L.* Renouvier // *Encyclopédie philosophique universelle.* Sous la dir. d'André Jacob. V. III. Les oeuvres philosophiques. T. 1. P.: PUF, 1992. P. 2047–2048.
- Dumas, 2001 – *Dumas J.-L.* Renouvier // *Dictionnaire des philosophes.* P.: Albin Michel, 2001. P. 1321.
- Bréhier, 2004 – *Bréhier E.* Histoire de la philosophie. P.: PUF, 2004. 1790 p.
- Hamelin, 1927 – *Hamelin O.* Le système de Renouvier. P.: Vrin, 1927. 454 p.
- Janet, 1879 – *Janet P.* La philosophie française contemporaine. P.: Calmann Lévy, 1879. 458 p.
- Renouvier, 1842 – *Renouvier C.* Manuel de la philosophie moderne. P.: Paulin, 1842. 446 p.
- Renouvier, 1844 – *Renouvier C.* Manuel de la philosophie ancienne. T. 1–2. P.: Paulin, 1844.
- Renouvier, 1885 – *Renouvier C.* Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques. T. 1–2. P.: Bureau de la critique philosophique, 1885–1886.
- Renouvier, 1906 – *Renouvier C.* Critique de la doctrine de Kant. P.: Félix Alcan, 1906. 440 p.
- Séailles, 1905 – *Séailles G.* La philosophie de Charles Renouvier. P.: Félix Alcan, 1905. 400 p.
- Verdenal, 1999 – *Verdenal R.* Le spiritualisme français de Maine de Biran à Hamelin // *Histoire de la philosophie / Sous la dir. de F. Châtelet.* T. VI. P.: Hachette, 1999. P. 37–65.
- Verneaux, 1957 – *Verneaux R.* Renouvier et le neo-criticisme // *Weber A., Huisman D., éd. Tableau de la philosophie contemporaine.* P.: Fischbacher, 1957. P. 209–217.

The Method of Search and Analysis of Oppositions as the Basis of Historical Systematization of Philosophy (about the Concept of Charles Renouvier)

Artem A. Krotov

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, 119234, Russian Federation, e-mail: krotov@philos.msu.ru

The article analyzes the features of understanding of the history of philosophical process by the leading representative of French Neo-Kantianism. The binary scheme, thoroughly substantiated by Renouvier in the “Sketch of the Systematic Classification of Philosophical Doctrines”, was

a certain result of his previous creative way. In the “Textbook of Philosophy of the New Age”, he, highlighting the pantheism–idealism dilemma, expresses his sympathies for eclecticism. In the “Textbook of Ancient Philosophy”, he advocates giving philosophy a scientific character by combining the laws of reason and history. In “Experiences of General Criticism” he builds a system of neo-criticism, identifying phenomena with reality. Finally, the “Sketch” presents an attempt at an objective consideration of the history of philosophy. Renouvier identifies six oppositions passing through the entire history of thought (thing–consciousness, infinite–finite, evolution–creation, necessity–freedom, happiness–duty, evidence–belief). The strength of his method is the desire to make a choice between opposing trends, taking into account intellectual motives, passions, practical inducements of varying degrees of community. But both elements of reductionism and unfounded optimism about the lack of influence of all kinds of systems on his own constructions are present in his approach.

Keywords: Ch. Renouvier, French philosophy, neocriticism, theory of philosophy, philosophy of the New Age

References

- Blauberg I.I. Renouvier, in: *Filosofy Francii. Slovar* [Philosophers of France. Vocabulary]. Moscow; St.-Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2016, pp. 366–368. (In Russian)
- Bréhier E. *Histoire de la philosophie*. Paris: PUF, 2004. 1790 p.
- Dumas J.-L. Renouvier, in: *Dictionnaire des philosophes*. Paris: Albin Michel, 2001, p. 1321.
- Dumas J.-L. Renouvier, in: *Encyclopédie philosophoquo universelle*, sous la dir. D’André Jacob, v. III, Les oeuvres philosophiques, t. 1. Paris: PUF, 1992, pp. 2047–2048.
- Florovskij G.V. Charles Renouvier, in: *Put* [Way], 1928, no. 14, pp. 111–116. (In Russian)
- Hamelin O. *Le système de Renouvier*. Paris: Vrin, 1927. 454 p.
- Janet P. *La philosophie française contemporaine*. Paris: Calmann Lévy, 1879. 458 p.
- Lapshin I.I. Neokriticism Charlia Renouvier [The Neocriticism of Charles Renouvier], in: *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy], 1914, no. 13, pp. 66–113. (In Russian)
- Renouvier C. *Critique de la doctrine de Kant*. Paris: Félix Alcan, 1906. 440 p.
- Renouvier C. *Esquisse d’une classification systématique des doctrines philosophiques*, t. 1–2. Paris: Bureau de la critique philosophique, 1885–1886.
- Renouvier C. *Manuel de la philosophie ancienne*, t. 1–2. Paris: Paulin, 1844.
- Renouvier C. *Manuel de la philosophie moderne*. Paris: Paulin, 1842. 446 p.
- Séailles G. *La philosophie de Charles Renouvier*. Paris: Félix Alcan, 1905. 400 p.
- Verdenal R. Le spiritualisme français de Maine de Biran à Hamelin, *Histoire de la philosophie*, sous la dir. de F. Châtelet, t. VI. Paris: Hachette, 1999, pp. 37–65.
- Verneaux R. Renouvier et le neo-criticisme, in: Weber A., Huisman D., éd. *Tableau de la philosophie contemporaine*. Paris: Fischbacher, 1957, pp. 209–217.
- Vizgin V.P. *Mezhdru filosofiej i literaturoj. Raboty raznyh let* [Between Philosophy and Literature. Works of Different Years]. Moscow; St.-Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2021. 448 p. (In Russian)
- Vvedenskij A.I. *Sovremennoe sostoyanie filosofii v Germanii i Francii. Ch. 2: Filosofiya v sovremennoj Francii* [The Current State of Philosophy in Germany and France. Part 2: Philosophy in Modern France]. Moscow: Lenand Publ., 2016. 344 p. (In Russian)